

Альберт ПАЙК

МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО
ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА
ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

II

Энциклопедия масонства

Альберт Пайк

**Мораль и Догма Древнего и
Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества. Том 2**

«ИД Ганга»

Пайк А.

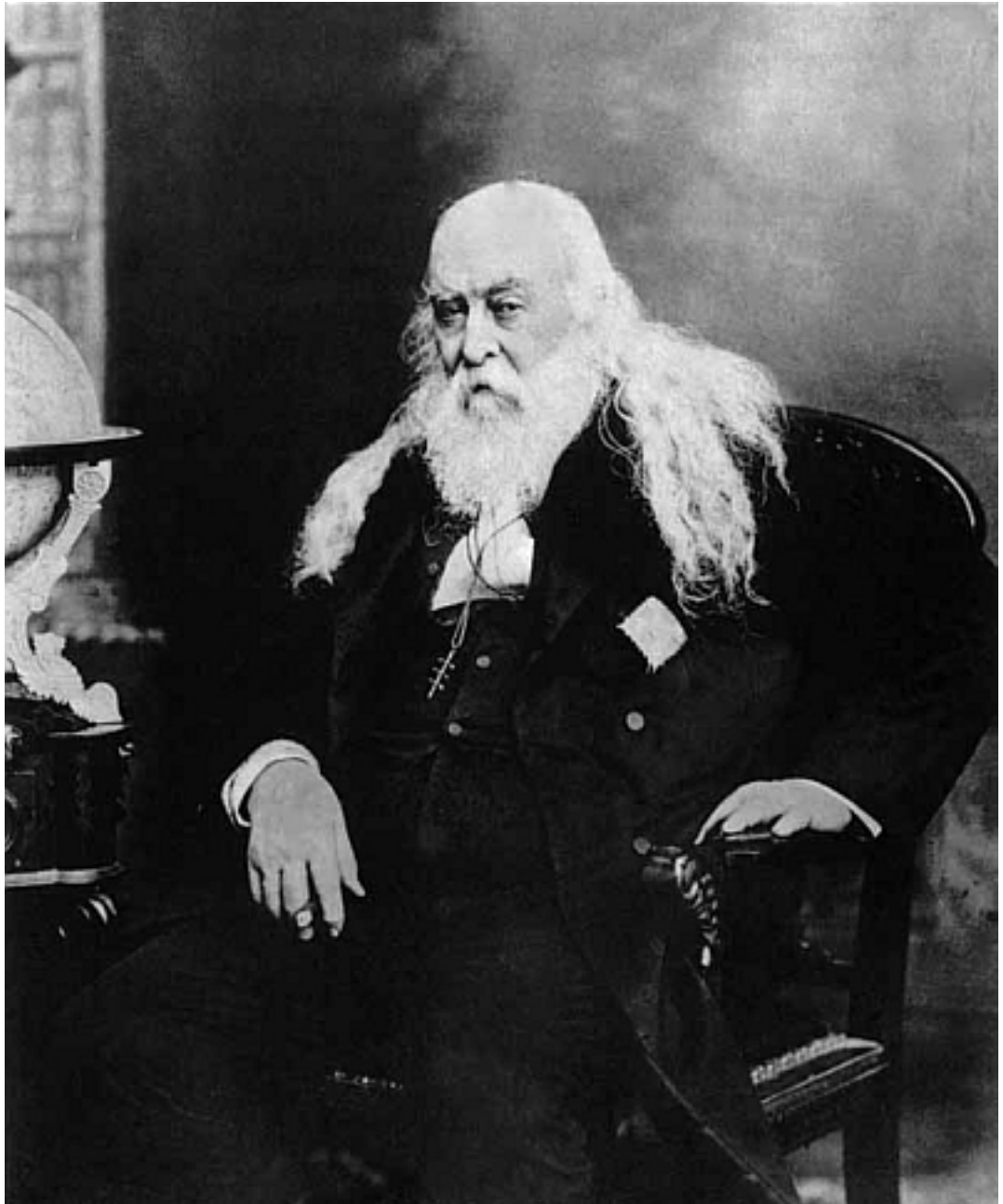
Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества. Том 2 / А. Пайк — «ИД Ганга»,

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвяtitельного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Содержание

Councíl of Kadosh	7
19	7
20	16
21	23
22	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Альберт Пайк
Мораль и Догма
Древнего и Принятого Шотландского
Устава Вольного Каменщичество
Том II
Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего
Градуса Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского
Устава для Соединенных Штатов
Америки и публикуется его властью

Albert Pike, Grand Commander 33°

MORALS and DOGMA

of the Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Council of Kadosh **Ареопаг Рыцарей Кадош**

19 *Grand Pontiff* **Великий Понтифик (Великий Первосвященник)**

Истинный Вольный Каменщик трудится на благо тех, кто придет после него и ради прогресса и процветания своего народа. Низменны и бедны те амбиции, которые охватывают только одну человеческую жизнь. Все, кто вообще заслуживает земной жизни, надеются пережить собственные похороны и продолжить жить скорее в тех добрых делах, которые они сотворили человечеству, чем в бледных и недолговечных буквах своего имени, столь скоро стирающегося в памяти людской. Большинство людей надеются оставить после себя плоды своих деяний, дабы в действительности пережить краткий срок, отпущенный для их собственной земной жизни и земной жизни всего их смертного поколения. Это врожденный инстинкт, заложенный в наши души – даже самые грубые и приземленные, – Самим Богом; это одно из ярчайших доказательств бессмертия души и явных различий между Человеком и даже самым образованным из подлецов. Сажать деревья, в тени которых будут отдыхать наши дети, так же естественно, как и наслаждаться тенью деревьев, посаженных нашими отцами. Неграмотный и опустившийся крестьянин, болезненно переживающий свою ущербность, самая бедная вдова, отдающая свою кровь и жизнь тем, кто платит только за работу иглы в ее руках, – непременно будут трудиться, не покладая рук, во всем себе отказывать, только бы дать своим детям образование, чтобы они заняли в обществе положение более высокое, чем их собственное, – таковы все благодетели человечества.

Только в своих делах и свершениях человек становится истинно бессмертен до всеобщего воскресения и Страшного Суда. Спартанка, которая, подавая сыну щит, приказала: «С ним или на нем!», – впоследствии стала правительницей Лакедемонии совместно с законодателем Ликургом, потому что она провозгласила закон, которому суждено было намного пережить ее саму; она вдохновляла на бой спартанских воинов, которые вскоре разрушили стены Афин, а потом вместе с Александром Великим покоряли Восток. Вдова, давшая Марион лук с пылающими стрелами для того, чтобы та подожгла ее собственный дом и в нем не могли укрыться враги ее молодой страны, тот дом, в котором она возлежала в объятиях своего супруга, в котором она родила своих детей, – эта вдова создала для своей страны более важный и мудрый закон, чем все Локки и Шефтсбери и чем все остальные законодатели после того, как ее страна обрела независимость.

Египетского фараона и монархов Ассирии и Финикии оставило совершенно равнодушными известие о том, что некий сын иудейки, принятый и воспитанный дочерью фараона Сезостриса-Рамзеса, убил египтянина, избивавшего раба-иудея, и бежал в пустыню, где оставался в течение сорока лет. Но Моисей, которому в противном случае суждено было стать правителем Нижнего Египта и о котором нам сейчас не было бы известно практически ничего, кроме его имени на пьедестале полуразрушенного памятника, стал спасителем народа Израиля, выведшим его из Египта и приведшим к границам Палестины, даровавшим ему Закон, из которого впоследствии выросла христианская вера, и тем самым определившим пути развития всего мира. И он, и законодатели древнего Рима, и Альфред Английский, и древние саксонские таны, и норманнские бароны, и судьи и писцы Средневековья, и создатели старинных кодек-

сов, имена которых затерялись в мутном тумане прошлого, – все они наши законодатели, и мы верны их законам.

Наполеон умер в изгнании на голых скалах острова Св. Елены. Его останки, перевезенные во Францию сыном короля, покоятся в Госпитале Инвалидов в великом городе Сиене. Но мысли его до сих пор правят Францией. Он, а не народ, сверг с престола Бурбонов и отправил последнего монарха из Орлеанского правящего Дома в изгнание. Он из своего гроба, а не народ, возвел на престол Наполеона III путем всенародного голосования; и именно он, а не генералы Франции и Англии, направил объединенные силы против Северной диктатуры.

Магомет объявил арабским кочевникам-идолопоклонникам новую веру: *«Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет [как и Моисей, и Христос] – Пророк Его»*. Многие годы, сначала один, позже – с помощью своей семьи и новых друзей, еще позже – многочисленных учеников, и наконец огромной армии, он проповедовал учение Корана. Религия пламенного арабского проповедника, привлекавшая на свою сторону даже самые дикие племена великой пустыни, распространилась по всей Азии, возвела на престол сарацинские династии, завоевала Персию и Индию, Греческую империю, Северную Африку и Испанию, затем направив охваченные религиозным огнем полчища на завоевание великого христианского соседа – Европы. Закон Магомета до сих пор правит четвертой частью человечества, и турки, мавры, арабы, персы и индийцы почитают Пророка и совместно молятся, обратившись в сторону Мекки, и именно Пророк, который давно умер, а не правительства живых людей правит на Востоке.

Конфуций до сих пор властвует над умами в Китае, а в России Петр Великий. Платон и великие учителя древности до сих пор восседают на троне правителей в царстве Философии, подданными которого являются все высокоученые люди. Великие государственные деятели прошлого до сих пор председательствуют в правящих советах наций. Дух Берка все еще витает в Палате Общин, а громовые раскаты речей Беррье еще долго не умолкнут в стенах французского Законодательного Собрания. Противоречащие друг другу мысли и противоборствующие влияния Уэбстера и Калхауна до сих пор раздирают на части Соединенные Штаты, и для сторонников каждого из этих деятелей его слова – это оракул, вещающий из Святой Святынь, и истина в последней инстанции, освященная пушечным громом и пролитыми потоками крови.

В свое время было мудро сказано, что, когда Тамерлан возвел свою знаменитую пирамиду из пятидесяти тысяч человеческих черепов и выехал во главе неисчислимых полчищ из ворот Дамаска на поиски новых завоеваний, чтобы возводить новые и новые пирамиды из человеческих черепов, на улице города Майнца играл маленький мальчик, сын бедного ремесленника, значение личности которого по сравнению с Тамерланом казалось в то время подобным песчинке по сравнению с земным шаром; но Тамерлан и все его кровожадные полчища, точно буря, пронесли по Востоку, повсюду сея смерть и разрушение, и пропали, точно их никогда и не было, в то время как печатный станок Иоганна Фауста¹ – тогда еще маленького мальчика – оказал большее влияние на судьбы человечества и опрокинул больше тронов, чем все кровопролитные войны всех завоевателей от Нимрода до Наполеона.

Много веков назад великий Храм, возведенный в Иерусалиме Царем Соломоном и нашими древними братьями, был разрушен, когда город захватили ассирийские войска. Святой город ныне представляет собой горы руин под знаменем Полумесяца, Святая Земля – голую пустыню. Правители Египта и Ассирии, правившие одновременно с Соломоном, исчезли со страниц истории, и все рассказы о них сводятся к народным сказкам и преданиям. Древний Восток сейчас представляет собой поле археологических раскопок, развалины на окраине великой временной шкалы. Волки и шакалы воют среди развалин Фив и Тира, а изображения вавилонских и ниневийских правителей вырубая из стен храмов и дворцов и увозят в иные страны, где выставляют в музеях. Но в то же время незаметный и мирный Орден, Великим Мастером которого – совместно с Царями Израильским и Тирским – в свое время был сын нищей финикийской вдовы, продолжает развиваться и наращивать свое влияние в мире,

невзирая на бурные волны океана Времени и жестокие преследования. Время не сотрясло его прочный фундамент, не сломило его колонны, не исказило гармонию его величественных пропорций. Там, где во времена Соломона грубые варвары осваивали враждебные и негостеприимные леса и долины Франции и Англии, и даже в Новом Свете, неизвестном в древности ни иудеям, ни язычникам, когда слава древнего Востока угасла, этот Орден возвел новые Храмы и с тех пор наставляет тысячи своих новых посвященных в тех же законах мира, доброй воли и терпимости, доверия Божественному Провидению и своему ближнему, в которых наставляли Мастера Учеников, когда иудей совместно с гиблемитом трудились на склонах горы Ливанской, а верующий в Иегову и верующий в финикийского Бэла сидели бок о бок в Совете Иерусалимском.

Миром правят мертвые. Живые лишь повинуются им. И если душа способна после смерти человеческого тела видеть происходящее на Земле и следить за преуспеванием тех, кого она любила в земной жизни, наверное, самое большое счастье для нее – видеть, что добрые дела, свершенные ей, растут и ширятся с течением времени, подобно ручьям, сливающимся в полноводную реку, и приводят к улучшению жизни отдельных людей, семей, государств и всего мира в целом; а самое большое горе для нее, наверное, – видеть, что злые ее поступки до сих пор приносят горе и беды живым спустя много лет после того, как сама плоть ее земного тела превратилась в прах, а имя и дела его стерлись из памяти людей.

Нам неведомо, кто из великих мертвецов управляет нашими судьбами. Вселенский род человеческий неразрывно связан этими влияниями и привязанностями, которые в высшей степени четко определяют его судьбы. Человечество – единое существо, а отдельный человек – всего лишь одна из его клеток. Все сказанное, сделанное, помысленное давно умершими людьми в прошлом создает некую модель, охватывающую нас своими принципами и управляющую нашим поведением. Мы действительно принимаем свою веру такой, какой завещали ее нам великие властители дум прошлого, и перед их авторитетом разум наш бессилён.

Мы были бы готовы заключить или расторгнуть практически любой договор, но между нами и нашими возможными поступками нерушимой стеной стоят законы, заповеданные нам древними английскими судьями и живущие и поныне, когда сами эти судьи уже много веков назад истлели в земле. Мы бы раскинули границы своих владений там, где это было бы угодно нам самим, однако законы, принятые английским парламентом при Первом или Втором Эдуарде и с тех пор прошедшие неизменными сквозь века, запрещают нам столь бесконтрольно претворять в жизнь свою эгоистичную волю. Мы бы с радостью воспользовались тем или иным своим преимуществом, но закон, установленный каким-то древним римским сенатором еще до Юстиниана или самим великим Цицероном, лишает нас этого преимущества или настолько ограничивает возможности воспользоваться им, что оно практически исчезает. То нам запрещает Моисей, это – Альфред. Мы бы с радостью продали свою землю; но заповедь нашего отца или деда, или еще какого-нибудь дальнего предка, зафиксированная на подверженной тлению бумаге, запрещает нам это, точно рука мертвеца высовывается из могилы и осуждающе грозит нам пальцем. Стоит нам только собраться согрешить или ошибиться, как тут же слова нашей давно умершей матери, сказанные нам в детстве и тут же растаявшие в воздухе, прочно забытые нами на долгие годы, неожиданно всплывают в нашей памяти, с необоримой силой удерживая нас от необдуманного поступка.

Так мы повинuemся мертвым, и так живые будут повиноваться нам в печали и радости, когда нас не станет. Мысли прошлого – это законы настоящего и будущего. Все, что мы говорим и делаем, не имеет никакого значения, если плоды этих мыслей и деяний не переживут нас на Земле. Единственные мысли, достойные обдумывания, единственные деяния, достойные осуществления, – это те, которые будут жить и после нашей смерти, войдя, таким образом, в великий свод Законов Мертвых. Стремиться к тому, чтобы сделать нечто, воздаяния за что не

будет при жизни, а только после смерти, когда нам уже все равно, – вот высочайшее стремление, на которое только может оказаться способен человек.

В этом должно быть стремление каждого истинного и верного масона. Зная неспешность, с которой Господь производит все великие перемены на Земле, он не может и не должен надеяться посеять семена и собрать урожай в течение одной своей земной жизни. Неизбежная судьба и высочайшее предназначение великих праведников мира сего, за редкими исключениями, состоит в том, чтобы сеять семена, всходы которых пожнут их далекие потомки. Творящий добро только ради того, чтобы быть за это вознагражденным, материальными ли благами, благодарностью ли, славой ли, – подобен ростовщику, отдающему деньги в долг, чтобы потом ему их вернули с процентами. А вот если «награда» за благие деяния состоит в клевете, насмешках, общественном порицании, ненависти или, в лучшем случае, тупом безразличии или холодной неблагодарности, – то это естественно, а посему не беда, ибо наверняка найдется хоть один человек, которому хватит ума оценить благое дело и поблагодарить и восславить благодетеля человечества, не сразу – так потом. Он останется в веках, будет великое и таинственное Будущее помнить его имя или забудет навеки.

Мильтиаду повезло именно потому, что его отправили в изгнание, а Аристиду – потому, что его подвергли остракизму, ибо согражданам его надоело именовать его Справедливым. Повезло и Спасителю; не повезло только тем, кто оплатил Ему за неоценимый Его дар всему человечеству и за жизнь Его, проведенную в трудах и наставлении народа ради его же блага, распятием на кресте вместе с разбойниками. Палач умирает и гниет в земле, и спустя много лет люди произносят его имя с отвращением, но самими своими делами он делает славной и бессмертной память своих жертв.

Масон, принесший благо своей стране и своему народу, должен заранее рассчитывать если не на преследование и клевету, то на равнодушие и безразличие тех, чьего блага он выскует и от кого ожидает такой же заботы о благе друг друга. Обычно Истина завоевывает сердца людские гораздо медленнее, чем растет дуб, кроме тех случаев, когда сознание людей претерпевает кардинальные изменения в назначенное время, когда приходит новый великий Пророк и Спаситель и сверхъестественные силы заставляют расти и бурно развиваться новую религию; посему всякий сеятель просто не может и не должен надеяться стать и жнецом. У Спасителя на момент Его земной смерти было двенадцать учеников, из которых один предал Его, а один отрекся от Него. Для всех нас достаточно должно быть того лишь точного знания, что плоды появятся в нужное время. Ни в коей мере не должно нас волновать, кто и когда соберет их. Наше дело – сеять семена добра. А уж дело Господа – наделять плодами тех, кого Он сочтет достойными их, и если не нас, то тем более славны наши дела.

Сеять, чтобы другие сжали, трудиться ради тех, кто будет населять Землю спустя века после нашей смерти, творить ради будущего, тем самым продлевая свою собственную жизнь, царить в умах еще не родившихся людей, благословлять дарами Истины, Свободы и Света тех, кто так никогда и не узнает имени дарителя, не заботиться о внешнем блеске усыпальницы своего брэнного праха, – вот предназначение истинного масона и вообще любого праведного человека.

Все величайшие и благие процессы в природе протекают крайне медленно и почти незаметно, шаг за шагом. Только разрушение и уничтожение подобны бурям. Извержение вулкана и землетрясение, торнадо и лавина внезапно набирают полную и жестокую силу и наносят свои страшные удары. Везувий за одну ночь похоронил под слоем пепла Помпеи и Геркуланум; весь Лиссабон пал ниц пред Господом через миг после того, как земля сотряслась в первый раз; целые альпийские деревни лавины стирают с лица земли за один миг; целые огромные леса торнадо вырывает с корнем и переносит на многие мили. Эпидемии уничтожают тысячи людей за один день; шторм за один час покрывает побережье осколками погибших кораблей.

Посох пророка Ионы пророс и зацвел за одну ночь. Но много веков назад в Англии, задолго до того, как норманнский завоеватель наступил кованым сапогом на горло простертого на земле сакса, некий неизвестный странник-варвар, житель этого никому еще в мире не известного острова в Северном море, просто от нечего делать, закопал в землю желудь, – и пошел дальше, неведомо куда и зачем, чтобы навеки исчезнуть в таинственной пелене прошлого. Потом он умер и был всеми позабыт; а желудь, между тем, продолжал лежать в земле, и внутри него, во тьме, продолжала действовать огромная скрытая сила. Со временем из него выстрелил нежный побег, который питался светом и теплом Солнца и влагой утренней росы; потом появились первые тонкие листочки, которым суждено было выжить и вырасти, потому что так случилось, что ни олень, ни дикий бык не сжевали их и не смяли своими копытами. Шли годы, и побег превратился в молодое деревце, регулярно теряющее листья осенью и покрывающееся новыми листьями весной. А годы все шли и шли, и вот уже Вильгельм – норманнский бастард, завоевал Англию и разделил ее между своими баронами, а молодое деревце все так же росло и все так же питалось утренней росой, а птицы строили в его ветвях гнезда для своего потомства на протяжении многих своих недолговечных поколений. А годы все шли и шли, и в его тени прилег отдохнуть одинокий дикий охотник, и Ричард Львиное Сердце приступом взял Акру и Аскалон, и горделивые и отважные бароны вырвали у Иоанна Безземельного Великую Хартию Вольностей, но чу! наше деревце превратилось во взрослое дерево, и распростерло свои ветви далеко в стороны, и вознесло свою вершину еще выше, еще ближе к небесам; оно протянуло свои корни глубоко к центру земли, чтобы твердо и прочно стоять посреди всех бурь и штормов, бушующих в его ветвях; и когда Колумб бороздил неведомые просторы Западной Атлантики, и когда Кортес купал в крови святой крест, и когда гугеноты, пуритане, кавалеры и последователи Пенна искали мира и покоя за океаном, – великий дуб продолжал стоять, нависая над всем лесом, могучий, высокий, прочно укоренившийся, гордый, не замечающий века, с огромной скоростью проносящиеся мимо него с тех самых пор, как странник-варвар зарыл в землю один-единственный желудь; он превратился в гигантское старое дерево, покрывающее тенью своей кроны огромное пространство, а древесины его хватило бы для постройки целого флота, готового пронести пушки великой новой республики по всем морям мира в огне и дыму залпов. И тем не менее, если бы кто-нибудь уселся перед первым пробившимся из земли к свету побегом и непрерывно следил бы за его ростом вплоть до тех самых пор, когда орлы свили гнезда в недостижимой дубовой кроне, – он не сумел бы заметить, как *растет* это дерево.

Много долгих веков назад, еще до того, как халдейские волхвы увидели в небе путеводную звезду, а Хуфу возвел величественные пирамиды, можно было проплыть в лодке среди всего лишь семидесяти четырех в то время островов, которых сейчас тысячи в Индийском океане, и казалось, что у океана там вообще нет дна. Однако в то же время под волнами океанической поверхности существовали мириады и мириады – количества, непостижимые для арифметики, – живых существ, каждое из которых было совершенно, каждое из которых было сотворено Всевышним для исполнения той задачи, которую Он предписал ему. Все эти существа неустанно трудились под водой над исполнением каждое – своей части великого труда, истинная цель которого была ведома только Богу, как и сроки его исполнения. И они трудились и умирали, неисчислимы по общему количеству и тем более – по числу поколений, каждое принося свою долю в величайшее предприятие Господнего свершения. Ибо таким образом Он решил создавать континенты и острова, и именно так живут и умирают кораллы, из мертвых скелетов которых состоит платформа, на которой покоится долина Огайо.

Господь решил творить. Там, где сейчас суша, в свое время бурлил и ревел мировой океан. Многие тысячелетия в его глубинах жили и умирали мириады крошечных инфузорий, скелеты которых опускались после их смерти на дно и там, под давлением водных слоев, слеживались и превращались в известняк. Постепенно их залежи поднимались волей Всевышнего

из неизмеримых глубин, ложась в основание всех континентов и островов, толщина основания которых составляет тысячи и тысячи футов, а мы на этих мириадах трупов древнейших инфузорий строим храмы и усыпальницы, как делали и египтяне, которых мы называем древними.

С поверхности всех морей и озер, на которые с одинаковыми любовью и заботой взирает Солнце, поднимаются ему навстречу невидимые водные пары. Ничей глаз, кроме Божьего, не способен разглядеть их. Там, в высших слоях атмосферы, они конденсируются в туман и собираются в облака, отправляющиеся в неизбежное путешествие по небу. Они несутся по небу по воле ветра над бурными океанами и величественными горными склонами. Еще больше сжимаясь под действием перепадов температур, они изливаются на землю ласковым дождем, или обильным ливнем, или страшной экваториальной бурей. Дождь, ливень или буря проходят, и снова звезды загораются на безоблачном небе, освещая благодарную, утолившую жажду землю. Дождевые же капли собираются в подземные полости, вытекают подземными ручейками в подземные реки и изливаются на земную поверхность гейзерами или ключами; и с горных склонов и из плодородных долин они серебряными струями устремляются в свой долгий путь к океанам. Сливаясь с другими ручейками, они вырастают в ручьи и каналы, и наконец в реки, подобные Нилу, Амазонке, Ганге, Дунаю или Миссисипи, которые вальяжно и горделиво текут в своих руслах, питая плодородные долины, становящиеся житницами человечества, перенося на своих волнах тяжелые суда по торговым путям, или же служа естественными границами, непреодолимыми для враждующих народов; затем эти капли, которые океан отправил ввысь в виде капель пара, которые затем возвратились на землю в виде дождя или снега, выпавших на поля или горные долины, возвращаются в объятия океана, чей величественный прилив снова набухает ими, неустанно набегая волнами на берег.

Так же и с делами рук человеческих. Подобно тому, как соединяются между собой в туман капли невидимого водного пара, чтобы в виде дождя выпасть на жаждущие континенты, благословляя влагой и жизнью величественные зеленые леса, обширные травянистые прерии и колосющиеся поля – людские житницы; как сливаются воедино неисчислимые капли влаги, выпиваемые землей, для того чтобы образовать глубокие и широкие реки, разрушающие горы и возвышающие долины, питающие моря и океаны, – так и все мысли, слова и дела человеческие, все то, что человек думает, говорит, делает или испытывает на протяжении своей земной жизни, сливается воедино и одним глубоким и широким потоком течет вперед во времени, к той великой и единой цели, которая поставлена перед всем человеческим родом Творцом.

Мы строим медленно, но быстро разрушаем. Наши древние братья, строители Иерусалимского и других храмов, великими трудами и многократно повторенными усилиями валили, распиливали и разрубали ливанские кедры, вырубали, обрабатывали и шлифовали камни в каменоломнях, вытачивали причудливые орнаменты, которым суждено было украсить эти храмы. Камень за камнем, совместными тяжкими трудами всех Учеников, Подмастерьий и Мастеров, росли их стены; медленно, постепенно покрывали здание своды крыши; и только много лет спустя после начала строительства здания оказывались готовы, обставлены и должным образом украшены для вознесения в них молитв Господу, и сияли они неземным блеском под ярким Солнцем и голубым небом Палестины. Так их возводили. Но один лишь факел, брошенный невежественным и подлым ассирийским копейщиком или пьяным римлянином или готом – воином Тита – в силу сиюминутного порыва грубого разрушительного ража, – и вот уже без всякого дальнейшего участия человека, всего за несколько часов, прекрасный храм превращался в груды черных дымящихся развалин.

Будь поэтому терпелив, брат мой, и жди! *Человек предполагает, а Бог располагает.*

Посему никогда не уставай творить добро и не устранийся от этого жребия! Никогда не обижайся на людское равнодушие, не злись на людскую суетность, не страдай от людского безразличия! Не беспокойся о собственном вознаграждении и о результатах своего труда; знай только, что нужно делать именно тебе, и делай это, а о результатах пусть заботится Бог! Воин

Креста! Рыцарь Справедливости, Истины и Терпимости! Праведный, истинный Рыцарь! Будь же терпелив в своих трудах!

«Откровение» Иоанна, эта высшая каббалистическая и пророческая квинтэссенция всех мировых оккультных учений, подразделяет следующие чередой образы на три седмицы, в конце каждой из которых в Небесах воцаряется тишина. Снимаются семь печатей, познаются семь таинств, преодолеваются семь препятствий, звучат семь труб ангельских и осушаются семь чаш.

«Откровение...» предназначено для тех, кто посвящен в девятнадцатый градус, чья вера – только в Бога, это апофеоз Высшей Религии, отвергающей все дела и таинства Люциферовы. Люцифер – *Светоносец*! Странное и таинственное имя Духа Тьмы! Люцифер – сын утренней зари! *Он* ли – носитель *Света*, который слепит и оупляет слабых, чувственных эгоистов? И не сомневайся! Мировые традиции полны Откровений и Вдохновений, причем они не ограничиваются рамками какой-либо одной религии. И Платон, и Филон получили Откровение свыше.

«Откровение...» – книга, не менее сложная для понимания, чем «Зогар».

Она написана иероглифами цифр и образов, и апостол в ней не раз и не два призывает посвященных постигать ее внутренний смысл силой своего разума. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя», – пишет он, подразумевая необходимость тщательного изучения и постижения таинственной аллегории. Св. Иоанн, возлюбленный из апостолов, хранитель всех секретов и таинств Спасителя, писал отнюдь не для толпы, не для основной массы своих современников.

«Сефер Йецира», «Зогар» и «Откровение...» являются наиболее характерными литературными образцами чистого оккультизма. В них больше смыслов, чем слов; их строки образны, как поэзия, и точны, как математика. «Откровение...» подводит итог, завершает и превосходит все науки Авраама и Соломона. Видения Иезекииля при реке Ховаре и видение нового символического Храма, выраженные в практически одинаковых мистических образах и окутанные числовым значением каббалистической доктрины, так же мало понятны комментаторам священных текстов, как и символизм масонства – непосвященным.

Седмица – это Венец всех чисел, поскольку в ней Триада, Треугольник Идеи, соединяется с Квадратом Формы.

Чем больше иерофанты древности прилагали усилий к тому, чтобы сокрыть от глаз непосвященных свою тайную Абсолютную Науку, тем больше они изобретали прекрасных и величественных символов. Их гигантские пирамиды с квадратными основаниями и треугольными стенами олицетворяли их метафизику, основанную на понимании законов Природы. Ключом к пониманию этого символизма, проистекающего из глубокого знания Природы, был Сфинкс, наполовину засыпанный песками пустыни и не отрывающий пристального взгляда каменных очей от подножия пирамид. Семь великих памятников древности, известные нам под названием Семи чудес света, – это самые полные и подробные комментарии на семь осей великих пирамид и семь фиванских врат.

Семеричная философия Посвящения у древних народов может быть сведена к следующим положениям.

Три великих Абсолютных Принципа суть Один Принцип; четыре изначальные формы суть одна форма; все они составляют Единое Целое, сочетающее в себе Идею и Форму.

Три великих Принципа суть следующие:

1° – Бытие есть.

В философском смысле, единство Идеи и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, первый принцип – Отец.

2° – Бытие реально.

В философском смысле, единство Познания и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, платоновский Логос, *Демииург*, Слово.

3° – Бытие логично.

В философском смысле, единство Разума и Реальности; в религиозном смысле, Провидение, Божественное действие, посредством которого реализуется Благо, именуемое в христианстве Святым Духом.

Единство всех семи цветов радуги в *белом* цвете является аналогическим символом **Блага**; их полное отсутствие в *черном* является аналогическим символом **Зла**. Первичных цветов существует три: *красный, желтый и синий*; вторичных – четыре: *оранжевый, зеленый, голубой и фиолетовый*. Все их Бог заключил в радугу, видимую человеческим глазом; аналогии их встречаются в нравственном и интеллектуальном мирах. То же самое число 7 постоянно встречается в тексте «Откровения...». Оно состоит из *трех* и *четырёх*. Эти же числа встречаются в описании семи заключительных сефирот: их тоже три – **Милость, Справедливость и Красота**, – и четыре: **Победа, Слава, Сила и Власть**. Также число три соответствует трем *вышшим* сефирот – *Кетер, Хохме* и *Бине*, то есть Воле, Мудрости и Пониманию, которые вместе с *Даат*, то есть Мыслью, также составляют число 4. *Даат* не считается ни сефирой, ни действующим, активным Божеством, ни силой, ни энергией, ни Божественным свойством, но лишь Божественным действием.

Сефирот в Каббале постоянно преподносятся как составляющие форму человека – **Адама Кадмона** – или **Макрокосм**. При такой подаче расположения Божественных эманации трижды доказывается Божественный закон Равновесия. Таким образом, единство Божественной разумной, деятельной, мужской **Энергии** и пассивной **Способности** порождать Мысль порождает сам акт **Мышления**. Из единства **Милости** и **Суровости** проистекает **Гармония**; а из единства **Победы**, или вечного **Преодоления**, и **Славы**, которая своим также вечным характером, казалось бы, противостоит самой идее возникновения каких-либо препятствий и противоположностей, проистекает **Сила**, или **Постоянство**, которое является совершенной **Властью** бесконечной Воли.

Девять сефирот проистекают из десятой, точнее, первой – *Кетер*, или **Венец**, – и одновременно оказываются включенными в нее. И точно так же каждая последующая из сефирот проистекает из предыдущей, при этом оставаясь включенной в нее. Воля Господня *включает* в себя Его Мудрость, а Его Мудрость *является* развитием и действием Его Воли. Эта Мудрость и есть Логос, неверно понятый и персонифицированный Симоном Волхвом и его последователями-гностиками. Посредством произнесения его Слова, а точнее, звука, выраженного буквой Йод, – Он творит миры, сперва в Своем разуме, в виде идей, которые затем приобретают форму, становясь материальным миром, материальной Вселенной. **Йод** и **Хей** – две буквы Неизрекаемого Имени Проявленного Божества – представляют собой символы Мужского и Женского, Активного и Пассивного Первопринципов, пребывающих в равновесии, а -невтсежбука **Вав** венчает каббалистическую Троицу и троебуквенное Имя Господне **יהו**, ный Треугольник, который при удвоении буквы **Хей** превращается в священный Тетраграмматон.

Таким образом, в сефирот содержатся все священные числа *три, пять, семь* и *девять*, а также число Совершенства – *десять*. Также они соотносятся с пифагорейским Тетрактисом.

Бытие есть бытие – **אֶחָד אֶחָד אֶחָד** – «эхье ашер эхье», – это первый принцип – **Начало**.

В начале было – то есть **было, есть и будет** – Слово, то есть **Разум Говорящий**. *עַן אֶרְחִי* *הוּא הַלּוֹגוֹס*!

Слово является основанием веры, но оно также является выражением веры, пробуждающим к жизни науку. Слово, Логос – это источник логики. Иисус – это Слово Воплощенное. Равновесие и единство разума и веры, знания и верования, власти и свободы в наше время стало настоящей загадкой Сфинкса.

Именно Мудрость в каббалистической книге Притчей и у Екклесиаста именуется действующим орудием Божественного Творения. В других местах иудейского Писания она име-

нуется **דְּבַר יְהוָה** – «давар Яхве» – Слово Божье. Именно в Своем изреченном Слове Господь открывается нам, не только в видимом, но и в невидимом, но постижимом мире, в наших убеждениях, в нашей совести и наших инстинктах. Поэтому многие верования носят вселенский характер. Вера всех людей мира в благо Бога привела к зарождению веры в дьявола, в падшего *Люцифера-Светоносца*, Сатану (Шайтана) – Противника, Аримана и Тифона, чьи образы должны были помочь человеку разобраться в причинах появления и существования Зла и соотнести их с понятиями Всемогущества и Беспредельных Мудрости и Милости Господа.

Ничто не сравнится и ничто не способно превзойти в качестве квинтэссенции и завершения всей философии древнего мира короткую фразу, начертанную **Гермесом** на камне, названном впоследствии *Изумрудной скрижалю*: единство бытия и единство гармоний, восходящих и нисходящих, последовательность и пропорциональность Слова; неизменный закон Равновесия и пропорциональное соотношение всех аналогий этого мира, соотношение Идей и Слова, мера и суть взаимоотношений между Творцом и Его тварным миром, математические измерения Бесконечности, проверяемые измерениями одного лишь угла в материальном, конечном мире, – все это нашло выражение в единственном тезисе великого египетского иерофанта:

«Что наверху, то и внизу; и что внизу, то и наверху, и в этомчудо Единства».

20

Grand Master of All Symbolic Lodges **Великий Мастер Всех Символических Лож** **(Пожизненный Мастер, или Мастер Ad Vitam)**

Истинный масон – это всегда практикующий философ, который при помощи религиозных символов, во все века служивших орудиями познания, вычерчивает на досках Природы и Разума контуры нравственного здания Мудрости. В симметричных соотношениях всех частей и элементов этого здания Мудрости он должен обнаружить принципы и правила всякого своего долга, каждой обязанности, источник всех своих удовольствий и радостей. Он совершенствует свою нравственную природу, становится лучшим человеком, чем был, а в воссоединении людей добродетельных, собравшихся с чистой душой и открытым сердцем, видит средство творить новые и новые добрые дела. Масонство и философия, хотя они суть не одно и то же, обладают одной и той же целью и видят свое предназначение в одном и том же: в поклонении Великому Архитектору Вселенной, познании и постижении чудес Природы и обретении человечеством счастья посредством творения ими самими блага и вспоможения также и другим его творить.

Твой долг в качестве Великого Мастера Всех Символических Лож состоит в том, чтобы возратить масонство к идеалам его первоначальной чистоты. Ты стал наставником. Масонство долго блуждало во тьме заблуждений. Вместо того чтобы совершенствоваться, оно ушло от своей изначальной простоты, превратившись в систему, изуродованную человеческими глупостью и невежеством, которые – не в силах сотворить хорошую машину, – создали машину сложную и посчитали это достаточным. Менее двухсот лет назад административная организация Ордена была проста и абсолютно нравственна, его символы, аллегории и ритуалы были просты для понимания, а цели и задачи находились буквально на виду у всех. В то время система его ограничивалась крайне немногим числом градусов. Конституции его были теми же, что и у сообщества ессеев в первом веке нашей эры. В то время масонство представляло собой, по сути, организационную структуру ранних христиан или пифагорейское сообщество, однако, лишенное всех несообразностей и противоречий, характерных для настоящей древней школы Пифагора; в то время масонство было значимым и простым, не требовавшим от своих посвященных излишне напрягать разум для того, чтобы обнаружить более или менее подходящее толкование для очередного символа или ритуала; это было масонство одновременно религиозное и философское, достойное доброго гражданина и просвещенного филантропа.

«Обновители» и «реформаторы» отринули эту изначальную простоту. Невежество немедленно приступило к созданию все новых и новых градусов, а суеверия и суетность, ложная таинственность, страшный абсурд бессмысленных церемоний силой заняли место масонской Истины. В мирном Масонском Храме начали рассказывать жуткие истории о страшной мести, среди его эмблем появились кинжал и окровавленная отсеченная голова, причем символическое их значение так и не было окончательно разъяснено всем и каждому. Страшные клятвы, до смешного не соответствовавшие раскрываемым тайнам, сначала повергали кандидатов в ужас, а затем становились для них смешными и ничего не значащими. Кандидата также подвергали испытаниям и ритуальным действиям, которые, происходи они в действительности, были бы просто отвратительны, – но поскольку все они происходили фигурально, символически, они впоследствии также вызывали у новопосвященных лишь оскорбительный смех и издевательства. В общей сложности, было изобретено более восьмисот градусов, в которых под маской масонства учили чему угодноязычеству, иезуитству... Ритуалы даже самых уважаемых градусов, искаженные и перевернутые невеждами, становились бессмысленными и пошлыми;

их слова настолько искажались профанами в масонских запонах, что некоторые из них мы так никогда уже и не восстановим – просто не сумеем. Кандидаты обязаны были подвергать себя унижениям, с которыми никогда и ни за что не смирился бы никакой человек с душой и чувством долга.

Поэтому так и вышло, что практически большинство градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, а до него – Устава Усовершенствования, впали в ничтожество, – их просто передавали кандидатам путем коммуникации или ритуалы их были коротки и малозначительны, – и постепенно умерли. Эти Уставы напоминали так хорошо известные нам старинные графские и баронские замки, разные крылья и стены которых были построены в разное время, по различным архитектурным планам и в соответствии с различными вкусами архитекторов и заказчиков, так что здания целиком в настоящее время выглядят эклектичными и безвкусными. Иудаизм и рыцарство, суеверия и философия, филантропия и бессмысленная страшная ярость и жажда мести, чистая нравственность и возвышенные идеалы и жестокое незаконное мщение, – все они, как ни странно, прекрасно сочетались в тогдашнем масонстве и стояли рука об руку в Храме Мира и Согласия; вся система тогдашнего масонства была громоздким сочетанием несочетаемого и совмещением несовместимого, контрастов и противоречий, фантастических, шокирующих преувеличений и передержек, отвратительных для хорошего вкуса, а также и отличных философских построений, искаженных и перекрытых, однако, абсурдной демагогией, порожденной невежеством, фанатизмом и отвлеченным мистицизмом.

Пустое и бесчувственное великолепие, которое не имело смысла поддерживать далее, не несшее и не могшее нести в себе никакого смысла; бесконечные отвлеченные толкования символов и ритуалов, или содержавшие одни лишь банальности, или наоборот, нуждающиеся сперва в переводчике на нормальный, понятный язык, а затем – в опытном толкователе; высокие титулы, присваивавшиеся людьми самим себе, причем изобретатели их отнюдь не снисходили до объяснения такой своей причуды – без всякого права присвоить себе титул, власть и права знатного дворянства, – все это вызывало смех и стыд посвященного за то, что он поддавался искушению войти в такое сообщество.

Некоторые из этих титулов мы сохранили в нашем Ордене, однако, в нашем случае, они ни в чем не противоречат нашему всеобщему братскому духу равенства, являющегося основанием и неизменным законом масонства. *Рыцарь* в нашем понимании – это тот, кто готов, ни секунды не раздумывая, отдать руку свою, свое сердце, свой ум учению масонства и провозгласить себя воином, принесшим присягу Истине. *Князь* – это тот, кто желает стать *вождем, принцем, первым* среди равных, *лидером* во всех благих и добродетельных делах. *Державным* считается среди нас тот, кто – среди равных ему Великих братьев – является Верховным, в силу того лишь, что он следит за соблюдением Конституции, которая одна для всех и которой он подчиняется наравне со всеми прочими. Титулование братьев *Весьма Могучими, Мудрыми, Великими* и *Достопочтенными* указывает на необходимость обретения теми, кого доверие братьев облекло различными полномочиями, стремиться к обретению мощи, даруемой Мудростью, Разумом и Добродетелью. Остальные же наши титулы имеют эзотерическое значение, полностью соответствующее принципам равенства и скромности, каковые носящие их братья отлично и полностью понимают и разделяют. В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты обязан наставлять ее братьев, ищущих высших градусов или избираемых или назначаемых на офицерские места в символической ложе, что эти принципы в действительности лежат в основе множества нравственных уроков, которые они должны преподавать сами себе, а не являются просто пустым подражанием тем временам, когда знать и клир правили толпой безоговорочно подчинявшихся им рабов; что в масонстве и Рыцари, и Понтифики, и Князья, и Державный Командор, – это всего лишь первые среди равных; а лента, запон, прочие облачения – это символы и эмблемы добродетелей истинного доброго масона, – и более ничто.

Ныне масон не преклоняет колен ни для передачи прошения или получения ответа на него, ни перед другим масоном, который стоит якобы «выше» него в масонской иерархии, ибо сейчас в масонстве все снова равны и колени мы преклоняем пред одним лишь Господом, Чьего вспомоществования мы ищем во всех начинаниях наших и у Кого просим сил сдерживать принятые нами торжественные обязательства. Никого не может унижить преклонение колен пред алтарем при приношении клятвы Господу или при получении рыцарского посвящения: это не унизило в свое время ни Баярда, ни дю Гюсклена. Более никакие масонские обряды не требуют, чтобы кандидат становился на колени. Господь наделил человека головой, посаженной на плечи сверху и прямо, прямой и величественной походкой. Мы собираемся в Храмах для того, чтобы пестовать в своей душе высокие помыслы и чувства, соответствующие прямой и достойной походке праведного и уважаемого человека, и мы не желаем, чтобы ищущий быть принятым среди нас униженно склонял перед нами голову. Наоборот, мы уважаем нового среди нас человека, как уважаем самих себя, чтобы и он проникся нашими высокими идеями и начал воспринимать себя по-новому, как личность возвышенную, свободную и независимую. Если скромность есть добродетель, то унижение и самопоругание противны человеческой природе и отвратительны, ибо справедливая и достойная гордость служит единственным настоящим и прочным основанием любой добродетели. Человек должен преклоняться пред Беспредельным Господом, но не перед своим несовершенным и заблуждающимся собратом-человеком.

Посему в качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен пристально следить за тем, чтобы никогда, ни в едином градусе ни один из твоих кандидатов не подвергался никакому унижению; слишком уж часто именно к этому сводились обряды посвящения во многих градусах. Прими за окончательное и безусловное правило, для которого не существует исключений: масонский Орден не вправе требовать от ищущего вступить в его ряды ничего, что могло бы показаться рыцарю и джентльмену недостойным или унижительным.

Верховный Совет Тридцать Третьего и Последнего Градуса Южной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава для США в конце концов начал давно откладывавшуюся, но так необходимую работу над пересмотром ритуалов и наставлений ко всем тридцати градусам, находящимся в его ведении. Сохранив основу каждого градуса и все знаки и прочие средства, помогающие посвященным в них опознавать друг друга, он нашел и распространил основную идею каждого из них, сократил в них все ребячества и ничего не значащие глупости, выстроив градусы в последовательную систему нравственных, религиозных и философских уроков. Не являясь защитником ни одной из существующих религиозных конфессий, он посчитал необходимым удалить из них второстепенные детали, основанные на аллюзиях на священные книги иудеев и христиан, на мистические учения древних греков, вавилонян, египтян, персов, индийцев, друидов и ессеев, равно как и на легенды времен Крестовых походов и церемонии различных рыцарских орденов.

Более эти ритуалы не учат преступной и порочной мести. Более они не позволяют масонству выступать в роли наемного убийцы, мстящего за гибель Хирама, Карла I или Жака Де Моле и Рыцарей Храма. Ныне Древний и Принятый Шотландский Устав стал тем, чем было первичное, изначальное масонство и чем оно и должно быть – наставником в великих Истинах, вдохновленным праведным и просвещенным Разумом, твердой и неизменной Мудростью и страстным и свободным Милосердием.

Более он не является системой, над составлением и сопоставлением различных элементов которой трудились в основном наиболее случайные, невежественные и, возможно, недостойные люди; системой, не отвечающей нашим обычаям, нашим взглядам и всемирным масонским принципам благотворения и терпимости, – но скорее он отвечает запросам малочисленных, но исполненных благого порыва групп людей, средства которых идут на вспоможение ближнему своему, а не на пустые торжества; более это не сложное и неоднородное собрание разнообразных церемоний и ритуалов, поражающее неисчислимыми анахронизмами и несо-

ответствиями, не способное отделить свет, нравственные и философские истины от заблуждений и пустословия.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты обязан наставлять всех избравших тебя на этот пост братьев, добровольно пошедших к тебе в подчинение, в том, что, в случае если не будет хватать средств на благотворение, помощь братьям и просто своим ближним, необходимо расстаться с любым, даже самым ценным украшением и убранством ложи; а также, что любое материальное вспомоществование ложе должно проистекать от тех лишь братьев, которые состоятельны и добровольно изъявили желание оказать это вспомоществование, и что оно никаким образом не окажется в тягость им самим и тем, кто находится на их иждивении. Основы каждого градуса можно преподавать достойному посвящения в них брату практически даром; необходимо помнить, что братья только по доброй своей воле и без всякого к тому принуждения могут приобретать за собственный счет облачения всех градусов, кроме 14-го, 18-го, 30-го и 32-го.

Ни в одном из градусов, в которые мы проводим посвящение, мы не учим Истине. Для нас они только аллегории, притчи, облекающие и содержащие в себе масонское учение, а также средства передачи посвящаемому полезных и интересных знаний. Они представляют собой различные этапы развития человеческого сознания, его усилий постичь Природу, Бога, устройство и работу Вселенной, великую проблему Божественной Воли на существование в мире горя и зла. Для того чтобы учиться мудрости и потакать себе в несбыточном желании постичь то, что постичь мы не способны, мы используем в своих трудах выдержки из учений философов древности, каббалистов, мистагогов и гностиков. Каждый имеет право так воспринимать и толковать предлагаемые нами для изучения Истины, как это в наибольшей степени соответствует его собственным нравственным принципам и учению его религии; поэтому сами эти Истины мы преподносим в форме максимально общей, готовой быть воспринятой всеми. В наши градусы могут посвящать кандидатов во Франции и Турции, в Пекине, Исфахане, Риме и Женеве, в Пенне и католической Луизиане, и кандидатами этими могут быть граждане абсолютистского государства или республики, сектанты или теисты. Наш Орден во всех градусах учит своих посвященных почитать Господа – Великого Строителя Вселенной, считать всех людей своими братьями, равными и равно любимыми Им чадами, служить обществу своим трудом и своими знаниями.

Проповедуя Свободу, Равенство и Братство, масонство учит тому, что человек обретет их, лишь доказав, что достоин их, а докажет он это, лишь обретя нравственную силу, разум и просвещение. Масонство не заключает никаких заговоров, не замышляет никаких переворотов. Оно не жаждет незрелых революций; оно не побуждает никакой народ выступать против законно учрежденной власти; однако, следуя старинной истине, заключающейся в том, что свобода приходит лишь к народу, готовому ее обрести, оно также принимает и следствие из этой аксиомы: необходимо *готовить* народы к обретению самоуправления.

Там, где существует рабство, масонство учит хозяев быть гуманными, улучшать условия жизни и труда своих рабов, поддерживать твердую, но не жестокую дисциплину; тому же оно учит мастера в отношении его учеников; работодателя – будь то в шахте, на фабрике, в мастерской – оно учит рассудительности и опять же гуманности в отношении тех, кто трудится на него, зарабатывая на кусок хлеба своими руками, для кого безработица означает голодную смерть, а труд на измор – смерть от лихорадки и изнурения.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен непрестанно напоминать об этом долге своим братьям. Наставляй работников в верности, трудолюбии и точности, равно как и в дисциплине и должном повиновении всем, в отношениях с кем это необходимо; но вместе с тем наставляй и работодателей в том, что каждый мужчина и каждая женщина, ищущие работу, имеют право получить эту работу; что те, кто не в состоянии трудиться в силу болезни или немощи, потери конечности или важного телесного органа, в силу старости или

чрезмерной молодости, имеют право на пищу, одежду и кров для защиты от буйства стихий; что смертный грех перед масонским Орденом и пред Богом совершает тот, кто закрывает свою фабрику или мастерскую, кто закрывает шахту, когда она перестает приносить ему ожидаемую прибыль, тем самым обрекая на голод рабочих и их семьи, или кто снижает заработную плату своих работников настолько, что им и их семьям перестает хватать на еду, одежду и кров, или кто заставляет их работать до изнурения, проливая пот, слезы и кровь, за те крохи, которые он горделиво именуется их заработной платой; что долг его как масонского брата, наоборот, состоит в том, чтобы предоставлять постоянную работу тем, кто иначе погиб бы от голода и холода или же вступил бы на путь воровства и грабежа; что работникам ему следует платить достойную заработную плату, пусть даже это сократит его ежегодную прибыль, пусть даже это заставит уменьшиться его капиталы, – ибо Господь для того даровал ему богатство, чтобы он был Дародателем человечества и Божьим посланником-благодетелем.

Кроме символов нравственных добродетелей и свойств разума, практически все рабочие инструменты и прочие принадлежности масонства принадлежат исключительно градусам Символической Ложи. Они должны постоянно напоминать масону, который проследовал далее, что все его высокие градусы основаны на скромных трудах в первых трех символических степенях, хотя так они названы несколько неправильно – ведь все градусы символически.

Так посвященные постигают величайшую истину масонства **труд**, ибо наставлять в труде и трудиться самим, – значит постигать символизм масонства. Существуют три типа работы, необходимые для существования и процветания человека и общества: ручной труд (относящийся к ведению первых трех символических степеней), военный труд (символизируемый рыцарскими степенями масонства), умственный труд (которым ведают философские степени Ордена).

Мы сохранили и приумножили в ритуалах наших градусов символы и эмблемы, которые действительно обладают непреходящим глубоким значением. Мы отвергли часть их устаревших и бессмысленных толкований. Мы сумели оградить масонство от превращения в сухую метафизику, не оставляющую места воображению. Люди невежественные, недоумки, которые, однако, в самовлюбленности своей, полагают себя *слишком* умными, могут сколько угодно потешаться над нашими символами; однако эти символы продолжают оставаться прекрасными покрывалами, окутывающими Истину, почитаемую всеми, кому ведомы пути к человеческим сердцу и чувствам. Многие великие учителя нравственности в древности прибегали к аллегориям для того, чтобы наставить людей, не отторгая их от себя чрезмерно сложными философскими построениями. Однако мы постарались, чтобы наши аллегории не были чрезмерно темными и сложными для понимания, чтобы толкователи их впоследствии не заходили слишком далеко в пустом умствование над ними. В наше время и в нашей просвещенной стране нам больше не нужны такие уж причудливые и непроницаемые занавеси, которые скорее препятствуют учению, чем помогают ему, и которые, кстати, вызывают к жизни слухи о том, что у наших символов есть какое-то особенно сокровенное значение, которое мы открываем только самым надежным посвященным, потому, мол, что эти значения противны добрым нравам и благу общества.

Обязанности класса *Наставников*, то есть масонов с 4-го по 8-й градус посвящения, состоят, в первую очередь, в обучении и проверке у новопосвященных знания всех проходных слов, знаков, пожатий, шагов и прочих ритуальных навыков, которые они получили в процессе посвящения в тот или иной градус, разъяснении им смысла символов и эмблем, повторении с ними нравственных уроков градусов. Только по отчету и рекомендации этих братьев кандидаты могут продвигаться к повышению заработной платы.

Управители Работ, то есть братья с 9-го по 11-й градус, должны непременно делать в Капитуле сообщения о регулярности лож низших градусов, их трудах и направлениях их деятельности, а также о том, что необходимо предпринять для активизации и совершенствования

ния работы в них. В символических ложах, например, они обязаны направлять и поощрять работу Каменщиков во благо Ордена, своей страны и человечества в целом, давать им братские советы, если они уклоняются от исполнения своего масонского долга, или же, в случае крайней необходимости, применять против них суровый масонский закон.

Архитекторы, или братья с 12-го по 14-й градус, должны избираться только из числа братьев, доказавших свое отличное знание всех наставлений и учений предыдущих градусов; они должны быть усердны и ответственны, способны обсуждать с другими масонские символы и нравственные принципы, приводя должные примеры и иллюстрации, рассуждать о простейших проблемах нравственной философии.

Рыцари 15-го и 16-го градусов получают меч. Они обязаны предотвращать и исправлять – насколько это в их силах – любую несправедливость в окружающем профанском мире и в масонстве, защищать обездоленных и привлекать угнетателей к суду. В этом духе они должны трудиться сами и наставлять других. Они должны постоянно следить за тем, исполняет ли масонство свое основное предназначение: оказывать помощь несчастным, – и с должным ли усердием. С этой целью они должны разрабатывать предложения для голубых лож, как положить конец правонарушениям и угнетению и прекратить людские страдания. Посвященные в рыцарскую степень чаще всего должны занимать в символических ложах место Дародателя и отвечать, таким образом, за своевременное и достаточное оказание помощи всем нуждающимся – как братьям Ордена и их семьям и близким, так и профанам.

В более высокие градусы следует отбирать для посвящения только тех, кто способен разумно обсуждать великие философские проблемы, достаточно начитан и красноречив. Из их числа следует избирать Ораторов символических лож, капитулов и советов. В их обязанности входит предлагать ложам на рассмотрение различные меры, направленные на то, чтобы Орден оставался верен своим основополагающим принципам, как в благотворительности, так и в распространении среди людей Света и Знания; именно они должны исправлять ошибки и заблуждения, закравшиеся в философию и обычаи Ордена, вредящие его духу, который должен был сделать его величайшим нравственным наставником человечества.

В качестве Мастера своей ложи, своего капитула или совета ты обязан преподавать братьям эти основополагающие принципы и фундамент организационной структуры Древнего и Принятого Шотландского Устава, его дух и форму, его гармонию и функции, обязанности офицеров и членов собраний и особенности уроков, преподаваемых в каждом из его градусов.

В особенности же ты должен следить, чтобы никакое собрание никакого из вверенных тебе масонских советов не завершалось, пока всем его членам не было напомнено о добродетелях, запечатленных на табеле соответствующего градуса. Это твоя прямая обязанность. Помни, что более трех тысяч лет назад Зороастр сказал: *«Будь благ, будь добр, будь человечен и милостив; люби ближних своих; утоляй нужды жаждущих; прощай сотворивших тебе зло»*. А две тысячи триста лет назад Конфуций повторил великую мысль тех, кто жил прежде него: *«Люби своего ближнего, как самого себя; не твори ближним своим того, чего не хотел бы, чтобы сотворили тебе; прощай обиды; прощай своих врагов; не испытывай к ним зла, помогай им и проси за них богов»*.

Так не будет же нравственность в наших ложах ниже, чем в душах великих персидского и китайского философов!

Наставляй своих братьев в неукоснительном соблюдении принципов нравственности в отношении всех и каждого, вне зависимости от религии, расы или страны.

Наставляй их в любви друг к другу, в верности друг другу, своей стране и ее законному правительству, неукоснительном соблюдении своего долга перед своей страной.

Наставляй их в том, что их священный долг:

уважать все формы поклонения Господу, все возможные политические и религиозные взгляды; никогда не осуждать и ни в чем не обвинять никакие религиозные воззрения; не

искать в брате прозелита для своей религии и довольствоваться, если он верует в то же, во что веровал Сократ: он почитал Творца, религию добрых дел и признавал Господне благословение;

почитать всех людей своими братьями; помогать всем, кто попал в беду; с радостью ставить интересы Ордена превыше своих собственных;

сделать правилом всей жизни своей: благие мысли, благие слова, благие дела;

ставить мудреца превыше воина, дворянина и даже князя; видеть в мудрецах своих наставников;

следить, чтобы убеждения всегда соответствовали делам, проповеди – образу жизни;

сделать еще одним девизом на всю жизнь фразу: «Делай что должен – и будь что будет!»

Вот, брат мой, некоторые из обязанностей, соответствующих тому великому посту, который ты искал занять. Да исполнишь ты их достойно и тем самым принесешь огромную пользу развитию масонства и всего человечества!

21

Noachiite, or Prussian Knight

Ноев Патриарх, или Прусский Рыцарь

В данном градусе в твои обязанности, в частности, входит быть скромным, а не самолюбленным, не исполненным пустой гордыни и самолюбования. В мыслях своих ты не должен возноситься выше Всевышнего, не должен осуждать то, что и как Он сотворил, не стараться «исправить» сотворенное Им. Будь также скромен в общении со своими ближними, не торопись думать о них плохо или приписывать им недостойные намерения. Тысячи печатных изданий наводняют страну дурно пахнущей прессой, неустанно и активно заставляя людей плохо думать о ближнем своем, приписывая недостойные намерения людям и партиям, осуждая их поведение и политику, и вряд ли найдется хотя бы одно, которое заставляло бы любить ближнего своего, хотя бы иногда, хотя бы время от времени.

Никогда еще скандальность и клевета не были так популярны и безнаказанны, как в наше время. От их ядовитых стрел не защищает самое праведное поведение, самое незаметное существование. Высокий общественный пост делает газетчиков только наглее и беспардоннее, если занимающий его человек претендует на признание людей.

Зло распространено повсеместно. Ни один мужчина, ни одна женщина, ни одна семья не могут чувствовать себя в безопасности от этой новой Инквизиции. Никакой поступок в наше время не может быть настолько чист и бескорыстен, чтобы какой-нибудь профессиональный торговец ложью, живущий за счет удовлетворения низменного аппетита толпы, не мог бы назвать его преступлением. Нет такого достойного и возвышенного побуждения, которое не могли бы счесть злодейским. Журналистика врывается под крышу частного дома, проникает под покровы внутренних, личных трагедий, грехов и стыда, целенаправленно собирает и трудолюбиво распространяет самые безосновательные и неправдоподобные выдумки ради денег самих журналистов или ради временного успеха тех или иных политических партий в борьбе между собой.

Об этом зле здесь не стоит распространяться далее. Оно очевидно для всех и оплакиваемо всеми, и долг каждого масона состоит в том, чтобы уменьшить, а если удастся, вовсе уничтожить его. Нам не пристало бороться с заблуждениями и грехами других людей, которые напрямую не вредят нам и не нуждаются в нашем осуждении для того, чтобы быть грехами и ошибками; но и журналисты не имеют права становиться цензорами и блюстителями нравственности. Мы не брали на себя обязательства громко трубить о каждой ошибке своего ближнего, лишь только заметим ее, или осуждать его за нее. Глупо и постыдно было бы стоять на перекрестке и за пенни грозно обличать грехи людские.

В идеале, никто и никогда не должен ничего говорить и писать против кого-либо другого. Дай Бог, чтобы хватило человеку времени на то, чтобы на протяжении всей жизни следить за самим собой! Каждый из нас – пациент в гигантском лазарете земной жизни, и журналистика напоминает мне сцену, увиденную однажды в переполненной больнице, где пациенты постоянно издевались друг над другом, споря, чья болезнь опаснее и отвратительнее: один пациент, страдающий от водянки, насмеялся над больным оспой, тот, в свою очередь, издевался над раком лицевого нерва у своего соседа, тот – над параличом следующего страдальца, – и так до тех пор, пока один из них в горячечной ярости не вскочил и не сорвал с них всех простыни, обнажив одинаковые у всех язвы и следы разложения. Вот чем занимаются журналистика и политические партии в своей непрестанной борьбе, да и вообще полмира за стенами масонского Храма.

В самом общем смысле, ограничения, наложенные на человека в его действиях теми, кто сам себе присвоил права хранителей общественной нравственности, совершенно необоснованны. Мало того, зачастую место этих ограничений должна была занять похвала, и наоборот, когда похвала незаслуженна, она всегда несправедлива.

Какого духа исполнены те, кто без зазрения совести может приписать ближнему своему любой грех, любую степень падения? Будь их душа возвышенна и достойна, будь они просто человечны, и не жестокосердны, они вместо этого помогли бы ему устранить причины его заблуждения и ошибки, вместе с ним пролили бы слезы над свершенным. Природа сыграла с человеческим телом отвратительную шутку, наделив его порочной душой, которая добавляет новых пороков к тем, которые существуют во внешней Природе и которые и так терпеть уже нет никаких сил. Если масон слышит о каком-либо человеке, что репутация его пала в глазах общественного мнения, он должен приложить все усилия к тому, чтобы помочь несчастному в его горе, а не стараться уронить его достоинство еще ниже. Наслаивать клевету за клеветой на имени человека уже опорощенного – это все равно что снова и снова бить железным прутom и так исполосованного бичами человека; каждому нормальному человеку с человеческим сердцем в груди такое видится бесчеловечным и недостойным.

У каждого сотворившего беззаконие и совершившего ошибку человека почти всегда есть тихий родной дом, уютный очаг, любящая жена и невинные дети, которые наверняка не подозревают о его прошлых заблуждениях и недостойных поступках – прошлых и давно оплаканных и искупленных; и даже если они знают о его недостойном поведении, они тем больше любят его, ибо, будучи человеком, он грешил, а будучи образом и подобием Божиим, он раскался. Но мысль о том, что каждый удар, нанесенный такому человеку, отзовется обжигающей болью в сердцах жены и нежных дочерей, не останавливает руку продажного журналиста; он снова и снова наносит удары в их трепетные, невинные, нежные груди, несмотря на их крики и мольбы о пощаде; а потом он отправляется в город, эту артерию общественной жизни, ходит там с высоко поднятой головой и требует к себе почтения, требует себе похвал и уважения за свой «рыцарский подвиг» – за удар кинжалом в невинное любящее сердце, не способное защищаться.

Если ты поставишь себе целью познать, что такое ложь и клевета, тебе не составит труда найти ее в сердцах недостойных людей. Лицемерие – это та трава, которая чаще всего произрастает на навозных кучах. Именно в этой почве оно пускает свои глубокие корни и выстреливает вверх ядовитые побеги. Долг наш состоит в том, чтобы быть скромными и хранить собственное достоинство в отношениях с теми, кто стоит выше нас на общественной лестнице; с равными нам надлежит быть вежливыми; с теми же, кто является в обществе по отношению к нам низестоящими, необходимо постоянно помнить о великодушии. Нет большего лицемерия, чем постоянно указывать своим ближним на их ошибки, не понимая и не желая при этом понимать их побудительные мотивы и цели их поступков, делая своей профессией очернение заслуживающих славы. Нанести оскорбление лицу, занимающему общественный пост, – это все равно что подстрелить старшего самца в стаде оленей: даже если он не истечет кровью от раны, его забудут насмерть остальные самцы для того, чтобы занять его место.

Работа шпиона во все времена считалась низкой и порочной, но чем, скажите, отличается от нее работа редакторов большинства печатных изданий, которые – за редким исключением – поставили перед собой задачу неустанно шпионить за нравственностью и действиями окружающих? Их злонамеренность придает силы их зрению, и они используют эту силу для того, чтобы находить у окружающих все новые и новые ошибки, приписывая им преступные намерения даже в тех случаях, когда в действительности устремления были самыми достойными. Подобно крокодилам, они поднимают со дна кучи ила, в которых оскальзываются и оступаются те, чьими живыми и трепетными плотью и кровью они потом с радостью насыщаются. Они выставляют грехи окружающих на обозрение всего мира, а добродетели прячут глубоко под

землю, чтобы никто их никогда не увидел. Если им не удастся кого-то обвинить на основе доказательств, они это делают на основе предположений, а если невозможно предоставить последние, они их просто выдумывают, как Господь сотворил мир – из ничего, – и все только ради того, чтобы очернить репутацию человека; и они отлично знают, что любой лжи толпа поверит скорее, чем ее последующим опровержениям, как бы тщательно обоснованны они ни были; что ложь летит на орлиных крыльях, а ее опровержение улиткой тащится вслед, и второму никогда не догнать первую. Да уж, наверное, самой «нравственности» журналистики претит мысль о том, что опровержение может и должно появиться на том же самом месте, где появилась ложь, вызвавшая его. Но даже если такое случается, изначальная ложь все равно продолжает жить в сердцах и умах слишком многих людей, и клевета надолго занимает место истины.

Этот век, в гораздо большей степени, чем все предыдущие, есть век лжи. В свое время малейшее подозрение общественного деятеля в сокрытии истины могло привести к полной утрате им репутации и потере поста; в наше же время среди политиков, представляющих разнообразные противоборствующие партии, становится редкой и практически никем не используемой добродетелью хоть раз в жизни сказать правду своему народу. Ложь превратилась в обычное орудие политической борьбы, используемое во время всех кампаний и общественных потрясений, и цена ее тем больше, чем она полезнее в данный исторический момент, чем она прибыльнее; ложь хранят, ее целенаправленно производят, ею торгуют; существует настоящий рынок лжи, как существует рынок свинца и серы, хотя она гораздо смертоноснее и опаснее их, вместе взятых.

Взвесь люди повнимательнее прегрешения человеческого рода, они поостереглись бы осуждать ближнего своего. Невежество дарует критиканству гораздо более длинный язык, чем может даровать знание. Умный знает, глупый – говорит. Столь частые в последнее время кампании очернения – всего лишь плоды жестокого рассудка; самые жесткие суждения о ближних выносят те, кто не в состоянии оценить и осудить сам себя; только дар самооценки придает вес суждению о других. Даже если нам ведомы пороки окружающих, добродетель наша скорее будет выражаться в желании сокрыть их, нежели придать общественному порицанию, если, конечно, сам носитель порока не воспримет это как комплимент, как побуждение к дальнейшему следованию путями греха. И нет греха более тяжкого, чем превратиться в очернителя достойного человека.

Для масона в этом смысле может существовать один лишь закон. Если он призван выступить с рассказом о добродетельном человеке и его добродетелях, он должен сделать это, беспристрастно и честно. А если среди добродетелей встречаются также и пороки, то пусть мир узнает о них от кого-нибудь другого. Ибо даже если творящий беззаконие не заслуживает пощады, ее заслуживают его жена, дети, родители, любые другие невинные люди, любящие его; а профессия бретера, наносящего беззащитному удар кинжалом в темном переулке по заказу отдельного лица или группы лиц, в наше время не более достойна, чем была сто лет назад в Венеции. Если мы чего-то не знаем, милосердие заставляет нас думать о человеке лучшее, а остальное пусть знает только Сам Великий Знатор Сердец человеческих; ибо заблуждения, подозрения и зависть часто приносят огромный вред достойному человеку, а в милосердном и снисходительном неведении греха нет.

И что превыше всего, истинный масон должен со скромностью и почтением преклонять колени пред Великим Архитектором Вселенной, ни в коем случае не позволять себе усомниться в Его неисчерпаемой Мудрости, не пытаться применить свое собственное убогое понимание того, что правильно, а что – нет, к Его Провидению и Его делам, не торопиться изучать таинства бесконечной Божественной Сущности и Его непроницаемые для смертных планы на будущее, а равно и великую непостижимую Природу, которую ему также не дано никогда понять и объяснить полностью.

Да бежит он прочь от всех этих пустопорожних философствований, тщащихся объяснить все и вся и отказывающихся раз и навсегда признать существование Бога, единого и отдельного от Вселенной, которая есть всего лишь творение Его; признающих только Природу своим богом и только ей поклоняющихся; отрицающих Божественный Дух и ограничивающих человеческое познание только данными, полученными посредством наших пяти телесных чувств; они путем логических построений и бессмысленной словесной софистики пытаются заставить такого явного, живого, любящего и наставляющего Бога уйти в тень нереальности и абстракции, превратиться в очередную логическую формулу.

Да бежит он также и от всех тех теоретиков, кто не удовлетворен медленным, по их мнению, развитием событий на Земле в соответствии с Божественным Провидением, кто стремится «ускорить» их, кто пренебрегает практикой и стремится к неосуществимому, кто полагает себя мудрее Небес. Необходимо просто пристальнее всматриваться в природу вещей, – и тогда в ней непременно станут очевидными некие окольные пути, позволяющие добиться желаемого скорее и притом именно таким образом, какой в наибольшей степени соответствует Его предначертаниям и не внесет дисгармонии в величественное мироустройство, основополагающими принципами и законами которого являются равное распределение собственности, отсутствие власти одного человека над волей другого, отсутствие насильственного труда, отсутствие голода, нищеты и прозябания.

Да не проведет он свою жизнь так, как проводят свои жизни они в строительстве новой Вавилонской башни, в попытках изменить то, что навеки сотворено неизменным Божественным Провидением; но да удовлетворится он, отдавшись на милость Бесконечного Провидения Господня, верой в то, что весь ход исторических событий управляется Беспредельной Мудростью и ведет – пусть мы и не в состоянии этого увидеть и понять, – к великой и благой цели; да удовлетворится он следованием путем, указанным Провидением, и трудом на благо всего человечества теми средствами, какие указал для этого Господь; и наконец, да не строит он никогда Вавилонскую башню в слепой вере, что стоит ему подняться до Небес – и Бог исчезнет или будет подавлен огромной массой материальных сил или блистательных логических формулировок; да стоит он всегда твердо на земле в почтении пред Богом и с надеждой и священным ужасом взирает на Небеса в нерушимой вере, что существует реальный Бог – личность, а не формула, Отец и Защитник – любящий, сочувствующий и помогающий; что вечные пути, назначенные Им для развития всего мира, неизмеримо мудры, как бы непостижимы они ни были для ограниченного и слабого человеческого разума.

22

*Knight of the Royal Axe, or Price of Libanus***Рыцарь Царственной Секиры, или Князь Ливанский**

Сочувствие великим трудящимся классам, уважение к самому труду и стремление к *работе* во благо всего человечества на протяжении всей своей жизни, – вот некоторые из уроков данного градуса, и они носят истинно масонский характер. Масонство сделало рабочего человека героем своей основополагающей легенды, равным царям, другом царей. Эта идея настолько же проста, насколько истинна и возвышенна. От самого начала и до самого конца масонство – это *работа*. Масоны поклоняются Великому *Строителю* Вселенной. Они считают временем основания своего Ордена период *строительства* Соломонова Храма. Своими основными эмблемами они считают *орудия труда* каменщика, мастерового. Они хранят в памяти имя первого *мастера* обработки *меди* и *железа* в качестве одного из проходных слов. Мастер – это *надзиратель* за постройкой, следящий за тем, как *работают* каменщики, и наставляет их в *труде*. Масонство – это возвышенный апофеоз **труда**.

Именно руками не известных нам трудолюбцев этот мир был сделан для нас таким прекрасным и цивилизованным. *Все* это – их труд, труд людей, о которых никто *не помнит* и никто ничего не знает. *Истинные* завоеватели, преобразователи и истинные владетели любой процветающей и высококультурной страны – это все, кто когда-либо жил в ней и участвовал в ее развитии, каждый в своей степени; это каждый человек, кто когда-либо валил в ней деревья и осушал болота, рождал великие технические новации или говорил что-либо важное и нужное для всей страны. Только самоотверженный и усердный труд вечен, вечен настолько же, насколько вечен Сам Великий Творец Мира и его Строитель. Только труд достоин похвалы: жизнь, исполненная лени и пустого времяпрепровождения недостойна ни человека, ни Бога. Великий Творец, когда-то, в незапамятные времена, сотворив эту величественную и отлично отлаженную машину Вселенной, отнюдь не сидит с тех пор в бездействии, лишь безучастно наблюдая за поворотами всех ее титанических шестеренок. Если верить в это, недалеко и до атеизма. А вот вера в Невидимого, Неизрекаемого, Неописуемого и Вечно Направляющего нас на наших путях Бога лежит в основе всего, что видит, делает и что ощущает каждый истинно верующий человек.

Жизнь любого бога зачастую предстает перед нами чередой чудес, свершаемых с одной только целью – избавить человечество от вечного непосильного труда. Но нашей истинной верой должно стать поклонение Богу Страданий. Для Сына Человеческого не могло быть иного венца – по доброй ли воле носимого, нет ли, – кроме тернового. Высшая доблесть человека не в том, чтобы быть счастливым, искать удовольствия и находить их. Единственным горем в его жизни должна стать невозможность трудиться и тем самым исполнять свой земной долг как человека. Быстро пролетает день, да что там – быстро пролетает вся наша жизнь, и наступает ночь, когда уже никто не может более работать. И когда приходит эта ночь, все наши радости и горести исчезают, испаряются, словно их никогда и не было. Но труды наши не прекращаются, и плоды их не исчезают. Плоды наших трудов остаются на Земле, где и пребудут вечно, на все грядущие времена.

Каким бы умом, какой бы нравственностью ни обладал человек, какими бы ни были его усердие, терпение, верность и методичность, озарение, изобретательность и энергия, – короче говоря, какова бы ни была его **Сила**, вся она отразится и навечно останется в плодах его **труда**. Трудиться – значит испытывать самого себя в столкновении и взаимодействии с Природой и ее неизменными и безошибочными законами; и по этим законам нам выносится справедливый приговор в конце всех трудов. Величайшим подвигом человеческой жизни должно стать

медленное, постепенное построение царства его воли путем тягчайших трудов и медленного, постепенного одержания победы над всеобъемлющим Хаосом. Дела важнее и достойнее слов. Они живут своей собственной жизнью – хотя никто их не слышит и не видит, – и растут. Они наполняют вакуум великого Времени и придают ему жизнь и достоинство.

Труд является главным символом Бога, Предвечного Строителя и Творца; возвышенный и достойный Труд, которому суждено воцариться на этой Земле и взойти на самый высокий ее престол. Человек, не имеющий долга, который надлежит исполнить, не трудящийся, подобен дереву, выросшему на обрывистом склоне: из-под его корней уходит земля. Природа ничем не обязана человеку, если он при этом сам добровольно не берет на себя крест мученика во имя своего ближнего. Она презирает человека праздного, бегущего от опасностей, трудностей, невзгод, горестей, которые все суть работа, и наоборот, гордящегося тем, что в жизни не поработал ни единой минуты, потому что всю жизнь за него работали другие. Но ведь этим может гордиться и свинья.

Лучший и достойнейший из людей всегда выходит вперед, для того чтобы грудью встретить опасность, угрожающую другим, выходит в тот момент, когда остальные в панике отступают, а опасность угрожает уничтожить всех и вся. Гераклу поклонялись за свершенные им двенадцать подвигов. Русский царь превратился в простого плотника и наравне с простолудинами работал в доках Саардама, и привел свою страну к победам. Трудились и Кромвель, и Наполеон, и свершения их остались на страницах истории навечно.

Работа несет в себе жертвенную честь и даже святость. Человек, который усердно и честно трудится, никогда не утратит надежду и никогда не забудет о своем высоком и исполненном достоинства предназначении; отчаяние приносит только постоянное бездействие. Человек совершенствуется только посредством труда. Человек вырубает джунгли, на их месте распахивает плодородные поля и возводит кипящие жизнью города; посредством этого труда человек уничтожает в своем собственном сердце непроходимые джунгли и безжизненные пустыни порока. Даже когда человек приступает к самому неквалифицированному, «грязному» труду, в тот же миг душа его приходит в состояние истинной и высокой гармонии. Сомнения, отчаяние, горе, плотские страсти, угрызения совести, стыд, – все они со столами бегут прочь и прячутся в свои грязные пещеры, как только человек склоняет спину, приступая к очередной работе. Труд – это жизнь. Из самого сердца трудолюбца проистекает Богом дарованная Сила, священная небесная жизненная суть, вдохновленная в него Господом Всемогушим, – и как только тело его приступает к труду, душа устремляется вверх, к Небесам. Трудясь, человек учится терпению, отваге, усердию, открытости для Света, умению признавать свои ошибки, исправлять их и тем самым совершенствоваться. Только трудясь, человек постоянно учится добродетели. В лени и бездействии нет и не может быть религии, – она только в труде до потери сил. Величайшую истину содержит в себе высказывание средневековых монахов: «*Laborare est orare*»¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.